

E-mail: n_sharifulin@mail.ru

Для связи с автором.

Николай Шарифулин

ПОСЛЕДНЕЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ НОЯБРЯ*

Психологическая драма в одном действии

** Третья авторская редакция (20 ноября 2019).

Даже в самой темнейшей из душ всегда должна найтись хотя бы искра человечности. Или добропорядочности. Или надежды. В любом случае, стоит попытаться отыскать проблеск этой искры.

Мартин Макдонах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Л а р и с а, 20 лет.

М и т я, сын Ларисы, 3 года.

Н а д я, мать Ларисы, сестра Тамары.

Т а м а р а, *мама* Лени.

Л е н я, внук Тамары, 7 лет.

Место действия: скромная однокомнатная квартира в панельном доме.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Квартира представляет собой небольшую комнату-зал и маленькую кухню, соединенные узким коридором. Справа – входная дверь. Слева – дверь в санузел. За окнами дождь, ветер ломает ветви деревьев, слышатся раскаты грома. Раннее утро. Первые дни ноября. Н а д я встает с постели, идет на кухню. Там она стоит и смотрит в

окно. Неожиданно распаивается входная дверь. На пороге появляется Т а м а р а.

Т а м а р а. Дождь?

Н а д я (*включая свет*). Дождь.

Т а м а р а. Ты смотри, так и не прекращается.

Н а д я. Не удивлюсь, если дожди в декабре лить будут. (*Помолчав.*) Почту ходила проверять?

Т а м а р а молча соглашается.

Интересно... от кого?

Т а м а р а. От Люды.

Н а д я (*смотрит на сестру, которая держит в руке конверт*). М-м... ну и как она?

Т а м а р а. Хочешь почитать? (*Протягивает письмо.*)

Н а д я. Ох, ты ё-о! Вот это почерк!

Читает вслух.

Мама у меня всё в порядке. Как, сама там ты паживаиш? Поцилуй от меня Ленку! Сскажи что я ему его люблю. Когда приедиш? Привизи мне хурму. Хачу рыбу. Скучаю очень. Всё пака! Цилую.

Т а м а р а молча смотрит в окно.

Ты когда у нее последний раз была?

Молния.

Т а м а р а. Ты смотри, что делает!

Гром.

Н а д я. Да уж... погодка нынче, как наша жизнь – то сверкнет, то ударит.

Т а м а р а. Как там Лариса?

Н а д я. А я знаю?

Т а м а р а. Ты с ней так и не общаешься.

Н а д я. Она мне писем не пишет. У нее теперь своя личная жизнь.

Т а м а р а. До сих пор поверить не могу...

Н а д я. Да перестань ты.

Т а м а р а. Нет, правда не могу. Вот так вот взять и отказаться... Три. Три года прошло.

Н а д я. Отказаться? Да ей стыдно должно быть!

Т а м а р а. Сколько раз она приходила прощения просить?

Н а д я. Ни разу. Потому что ей наплевать на меня.

Т а м а р а. Это не правда. Мы с ней часто на улице видимся... она всегда подойдет первая, чтобы спросить: «Как там мама?»

Н а д я. Почему-то, когда я с ней на улице вижусь, она не подходит ко мне и не спрашивает меня: «Как ты, мама?»

Т а м а р а. Это разве повод отказываться от дочери?

Н а д я. От нее никто не отказывался. Или ты думаешь, что Лариса расстроится?

Т а м а р а. Это твое воспитание. Вот и получай.

Н а д я. Ты хочешь сказать, что я плохо воспитала ее? Что я плохая мать? *(Вне себя.)* Как бы я плохо не относилась к своей дочери, как бы я ее ненавидела... знай, что Лариса – моя дочь. Моя!

Т а м а р а. Да тише ты! Щас Леньку разбудишь...

Н а д я. Знаешь что... Я как смогла, так и воспитала свою дочь!

Т а м а р а. Тогда почему ты ее не прощаешь?

Н а д я. А она просила прощения?

Молния. Гром.

Ленька-то не проснулся?

Т а м а р а *(прислушивается)*. Спит. Ему вставать скоро.

Н а д я. Вон, смотри какой ливень, только скрипка намокнет.

Т а м а р а. Не намокнет.

Н а д я. И зачем она ему нужна?

Т а м а р а. Он учится.

Н а д я. Какой год водишь его в музыкальную школу, а толку никакого. Лучше бы на бокс записала его.

Т а м а р а. Чтоб его там били?

Н а д я. Зато мужиком вырастит. Научится отпор давать, а то и так трус... Ходишь, заступаешься за него...

Т а м а р а отходит к окну.

Извини. *(Обнимает сестру.)* Обидно мне, – понимаешь? – обидно.

Небольшая пауза. Сестры смотрят друг на друга.

Когда ты с ней последний раз виделась?

Т а м а р а. По весне. Так я ж тебе рассказывала.

Н а д я. Думаешь, я помню.

Т а м а р а. Мы тогда с ней в магазине столкнулись.

Н а д я. Ах да! Ты еще говорила, что она с Митей была... которого я ни разу не видела. А ему-то уже три года. Нет, чтоб прийти, хотя бы раз, пообщаться, спросить: как дела? Так нет, она будет жить со мной в одном городе и ни разу не поинтересуется моим здоровьем.

Т а м а р а. Если ты помрешь, я скажу ей об этом.

Н а д я. Вот спасибо! А толку-то?

Т а м а р а. Знаешь, я ведь звала ее. *(Вздыхнув.)* Боится она.

Н а д я. Боится... Скорей ей стыдно. Ай, ладно! К чему все эти пустые разговоры.

Т а м а р а *(не сразу)*. Не понимаю я тебя... не понимаю... *(Помолчав.)* Я ж переживаю.

Н а д я. Ты бы лучше за Людку свою так переживала... по крайней мере, есть за что!

Т а м а р а. И за что же?

Н а д я. Да хотя бы за то, что она сейчас в дурке сидит, тебя вспоминает... ждет, когда же к ней мамочка ненаглядная приедет... А я? Кому я нахер нужна?

Сестры молча смотрят в окно.

Ты Леньку-то когда будить пойдешь?

Т а м а р а. Пускай поспит, я пока чайник поставлю.

Н а д я. А смысл? Он все равно его не пьет. Ему только йогурты подавай да шоколадки... Так ведь на шею сядет.

Т а м а р а. Уже потихонечку садится.

Н а д я (*ухмыляется*). К моей шее тоже очередь выстраивалась. Сначала Лариса, а потом этот... как его там? Максим...

Т а м а р а. Не пойму, толи у нас родители разные, толи мы с тобой разные...

Н а д я. Жизнь у нас с тобой разная.

Т а м а р а. Это точно.

Н а д я. У тебя муж был, а я всю жизнь одна маюсь... Теперь ты меня понимаешь?

Т а м а р а. Понимаю. (*Не сразу.*) Ты должна поговорить с ней.

Н а д я молча трясет головой. Пауза.

Н а д я (*увидев, что сестра смотрит на часы*). Вам идти надо. Опоздаете.

Т а м а р а (*тяжело вздохнув*). Да. Надо идти.

Т а м а р а идет в комнату. Н а д я остается одна на кухне. Она продолжает смотреть в окно: на улице дождь, ветер ломает ветви деревьев, слышатся раскаты грома. Все постепенно заглушается звуком чайника. Затемнение.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Утро. Раздается стук в дверь. Н а д я со словами: «Кого там черти принесли?» – идет открывать.

Л а р и с а (*спустя долгую и неловкую паузу*). Замерзла...

Н а д я молча смотрит на дочь.

Холодно очень...

Н а д я. Пьяная что ль?

Л а р и с а (*отрицательно мотает головой*). Впустишь?

Н а д я отходит в сторону.

Я насквозь мокрая... вся продрогла...

Н а д я. Еще бы! На улице такая дождина хлещет...

Л а р и с а. Да на улице просто жуть, что творится! Пока добиралась, пока дом нашла...

Н а д я. Почаще надо мать навещать.

Неловкая пауза.

Л а р и с а. Ты меня видеть не хочешь.

Н а д я. Да, не хочу. Сказать почему?

Л а р и с а. Сама знаю. (*Подходит к столу.*) А это что? (*Берет в руки книгу.*) Библия? Ее еще кто-то читает?

Н а д я. Это не моя. Положи.

Л а р и с а (*после долгой паузы*). Может, чаю?

Н а д я. У нас самообслуживание.

Л а р и с а (*не сразу*). А почему ты не спрашиваешь: как у меня дела?

Н а д я. Как у тебя дела?

Л а р и с а. Митя скоро в садик пойдет. Я тебе его покажу. (*Достает телефон.*) Это мы с ним в зоопарке. (*Смеется.*) Здесь ему пять месяцев. Ой, представляешь! – купила ему шоколадку, а он не съел ее. Оказывается, Митя не любит сладкое.

Н а д я (*отходит к окну*). Что-то он на Максима совсем не похож.
Долгая пауза.

Л а р и с а. Мам... мы разводимся.

Н а д я (*делает вид, что хочет обнять*). Доча! (*Резко.*) Так ты хотела, чтобы я отреагировала? (*Смотрит на дочь.*) Что у тебя там?

Л а р и с а. Где?

Н а д я. В руке.

Л а р и с а. Часы.

Н а д я. Ну и сколь щас?

Л а р и с а. Пять минут десятого.

Н а д я. Хм... так они ж на час отстают.

Л а р и с а. Намокли... А тетя Тома и Леня где?

Н а д я. Ушли. Скоро придут. Они что, в часах разбираются?

Л а р и с а (*помолчав*). Ты не изменилась.

Н а д я. Ты лучше за собой следи.

Л а р и с а. Мам!

Н а д я. Что мам?

Л а р и с а. Ты издеваешься...

Н а д я. А разве ты надо мной не издеваешься? Ну чего ты? чего? – уставилась на меня... пигалица. О-о! О-о! О-о! – началось. Только давай без этого! Нечего тут сопли распускать!

Л а р и с а. Мама! Я с Максимом развожусь, а ты...

Н а д я молчит.

Ты ведь этого хотела? Этого?

Н а д я продолжает молчать.

Все! Теперь я свободна!

Н а д я. Я вот как чувствовала: неспроста сегодня утром гром-то был! Напомни, зачем ты пришла?

Л а р и с а. Ты же сама хотела, чтобы мы развелись.

Н а д я. Да, когда-то хотела. А теперь поздно. Я давным-давно передумала. Так зачем ты пришла? Тебе жить, наверное, негде?

Л а р и с а. Мне Митю некуда деть.

Н а д я. Ну так оставь его у Максима.

Л а р и с а. А он ему нужен?

Н а д я. Ну тогда я тебе ничем помочь не могу.

Молчание.

Л а р и с а. Я думала: он с тобой поживет некоторое время.

Н а д я. Хм... думала она! Я смотрю, тебе одной квартирки мало... что, за второй пришла? А я ведь, кажется, предупреждала тебя, говорила: «Не рожай! Опомнись!» А ты что? – взяла и мать подожгла. Еще и наглости хватило явиться!

Л а р и с а. Хватит! Ты прекрасно знаешь, что я не поджигала тебя! Сколько можно говорить!

Н а д я. Все! Наслушалась уже: я, не я! Вон, милому своему будешь рассказывать, а не мне! Но только знаешь что? – ты ведь не меня, ты себя без угла оставила. Или ты думаешь: потрахешься, родишь и мне на шею сбросишь? – не бывать этому.

Л а р и с а. Никто так не думает.

Н а д я. Правильно. Потому что у тебя мозгов нет!

Л а р и с а. Перестать!

Н а д я. Хорошо-хорошо, я перестану... а то вдруг ты эту квартирку тоже спалишь. Только это уже пройденный этап.

Л а р и с а. Мама, я прошу тебя.

Н а д я. Все! Ни слова больше.

Л а р и с а. Мам...

Н а д я. Замолчи, я сказала.

Л а р и с а. Да пойми ты наконец, что я не собираюсь избавляться от сына, я лишь хочу решить свои проблемы, вот и все! В конце концов, он внук тебе.

Н а д я. Так он мне внук что ли? Ну тогда вот те бог, а вот те порог.

Л а р и с а. Мама, если я в чем-то виновата перед тобой, то ты прости меня, пожалуйста! *(Идет к двери.)*

Появляется Т а м а р а.

Т а м а р а. Мама рódная! Я смотрю, у нас гости? Лариса, здравствуй. Дай я хоть тебя обниму.

Л а р и с а *(обнимая Тамару)*. На улице сильно холодно?

Т а м а р а. Дождь так и не прекращается – вон смотри, как промокла.

Л а р и с а. Вижу. *(Уходит.)*

Т а м а р а. Лариса, давай хоть чай попьем. Когда мы последний раз-то виделись? *(Выбегает на лестничную площадку.)* Лариса! Лариса! Ушла.

Через считанные секунды Л а р и с а возвращается.

Лариса! Проходи, раздевайся... хоть поздороваемся нормально, а то ни здрасьте, ни до свиданья.

Н а д я. Может чаю?

Т а м а р а. Чего спрашиваешь? Конечно чаю и вареньице достань-ка.

Т а м а р а и Л а р и с а усаживаются за стол. Н а д я стоит у окна.

А я как знала, что ты придешь. Чувствовала. Да и мать сегодня утром о тебе говорила.

Н а д я. Все утро только о тебе и говорила.

Т а м а р а. Перестань. *(Ларисе.)* Хорошо, что ты пришла.

Н а д я. Я бы сказала: явилась.

Т а м а р а. Может, хватит!

Л а р и с а. Теть Том... Я спросить хотела... можно мой Митенька...

Т а м а р а. Что такое?

Л а р и с а. С вами... некоторое время... поживет? *(Пауза.)* Мы разводимся с Максимом.

Т а м а р а. Ой! Так может еще все образуется.

Л а р и с а. Нет.

Т а м а р а *(посмотрев на сестру)*. Ты-то сама, где жить собираешься?

Л а р и с а. Обо мне не беспокойтесь, я найду себе место...

Н а д я. Кому ты нужна? Место она себе найдет.

Т а м а р а. Надя! *(Укоризненно смотрит на сестру.)* Ты Лариса не переживай. Мы ведь не чужие. Если что, сама приходи. Хорошо?

Л а р и с а. Теть Том, я как жилье найду, сразу же его заберу...

Т а м а р а. Ты когда его приведешь?

Л а р и с а. Вечером. Сегодня.

Т а м а р а. Ну все, все. Успокойся. Давай лучше чай пить. Надь, поухаживай за дочерью.

Н а д я. У нас самообслуживание.

Т а м а р а. Надя.

Н а д я с недовольным лицом берет чайник.

Л а р и с а. А Леня где?

Т а м а р а. В музыкальной школе на скрипке играет.

Н а д я *(разливая чай)*. Ага, все нервы уже вымотал. Не нужна ему твоя скрипка, не нужна!

Т а м а р а. Леня учится, развивается!

Н а д я. Посмотрим, кто из него вырастит... Может вандал, который квартиры поджигает?

Т а м а р а. Ты дура! Я сейчас не спрашиваю, а говорю, что ты – дура! Хоть глаза раскрой, к тебе дочь пришла, а ты всякую белиберду городишь.

Л а р и с а. Хватит уже.

Н а д я. А я ей все скажу! Ну что, доченька, как тебе чаек? Правда, хороший?

Л а р и с а. Да, мамочка, чаек и вправду хороший. Крепкий... Черный...

Н а д я. А тибетские чаи только такие бывают.

Л а р и с а. Надо же... никогда не пила тибетский чай.

Н а д я. Тебе может еще налить?

Л а р и с а. Не стоит. *(Встает из-за стола, направляется к двери.)*

Н а д я. Уже уходишь? Как жалко! Ну ничего, вечером я тебе покрепче чаек заварю. До свиданья, доченька. *(Закрывает дверь.)*

Пауза.

Т а м а р а. Ну и что это было?

Н а д я. А что такое?

Т а м а р а. Я тебя спрашиваю.

Н а д я молча отходит к окну.

Надя, послушай, девочке нужно успокоиться, прийти в себя.

Н а д я. Прийти в себя... После чего?

Т а м а р а. Она разводится.

Н а д я. Ты не понимаешь... Ты действительно ничего не понимаешь!

Т а м а р а с удивлением смотрит на сестру.

Она ведь хочет избавиться от сына.

Т а м а р а *(смеется)*. Перестань, она хочет, чтобы он с нами пожил...

Н а д я. Да иди ты! Я ей на полном серьезе, а она...

Т а м а р а. Надя, это, как-никак, твоя дочь.

Н а д я. Да ежели б я знала, что она станет такой, я бы ни за что в жизни... *(Неожиданно прерывается.)*

Т а м а р а. Что?

Н а д я *(помедлив с ответом)*. Не родила бы ее.

Т а м а р а. Дура ты, прости Господи! Она, небось, прощение просить приходила...

Н а д я. Ага, попросила. Спустя три года. Но только знаешь что, мне ее прощения не нужны!

Т а м а р а. Вот скажи мне: что она тебе сделала?

Н а д я. Что она сделала? Что она сделала? А я тебе скажу, что она сделала!

Т а м а р а. Надя, я и так все прекрасно знаю! Ты из-за нее потеряла квартиру... Но ведь это неважно! это было три года назад!

Н а д я. Потеряла квартиру? Да она меня убить хотела! *(После паузы.)* Потеряла квартиру... Нет, ты только представь, как твоя родная дочь поджигает тебя в этой квартире. Что бы ты тогда сделала? Но у нее-то хоть оправдание имеется!

Т а м а р а. Да какое еще оправдание?

Н а д я. Она ненормальная. С нее никто не спросит. А с этой?

Т а м а р а. Надя, замолчи! Ты не понимаешь? Это все неважно. Важно то, что находится внутри чело...

Н а д я. Да-да-да... Надеюсь, что ты права. Но только это нахер никому не надо. Каждый живет так, как ему хочется. Тому пример – Лариса.

Т а м а р а. Надя, примером являешься ты. *(Идет в коридор.)*

Тишина.

Н а д я. За ней побежала?

Т а м а р а *(одеваясь)*. Нет.

Н а д я. Ну-ну...

Т а м а р а. Это твоя дочь. У меня внук есть. Вот за ним и пойду.

Т а м а р а уходит. Н а д я немного постояв у двери, идет в комнату. Затемнение.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Вечер того же дня. Сестры сидят на кухне. Л е н я в комнате играет на скрипке.

Т а м а р а. Ты смотри, дождь прекратился.

Н а д я. А надолго ли?

Т а м а р а. Не знаю. Три дня шел не умолкая. Вон, у соседей все погребка затопило – до краев: открывают, а там картошка плавает.

Н а д я. Да уж! погода нынче не на шутку разгулялась...

Раздается стук в дверь.

Т а м а р а. Пришла.

Н а д я. Смотри, как бы она тебя без хаты не оставила.

Т а м а р а. Перестань! Леня, пойдя, открой. *(Снова сестре.)* Ну чего ты завелась? Не трави ты себе душу, – слышишь? Ты же любишь ее, я это знаю! я это вижу!

Повторный стук.

Не слышит что ль? *(Кричит.)* Леня!

Л е н я *(из комнаты)*. Ну че надо-то?

Т а м а р а. Я те щас покажу «че надо»! Дверь открой, стучаться.

Л е н я. Щас.

Т а м а р а. Не «щас», а сейчас же!

Л е н я. Щас открою... *(Медленно подходит к двери.)*

Т а м а р а. Откроет он... я помру, а он даже не заметит.

Л е н я. Кто там?

Т а м а р а. Да открывай ты уже! Чего спрашиваешь?

Л е н я *(открывает)*. Это Лариса пришла. Привет, Лариса.

Л а р и с а. Привет, мой зайка. Чего буянишь-то?

Т а м а р а. Батюшки! Так ты и не одна! А это кто у нас? Это Митя у нас? Какой большой! Какой взрослый! Ну проходите, располагайтесь.

Н а д я. Может, чаю?

Л а р и с а. Я ненадолго.

Н а д я. Ну конечно ненадолго... щас сплавит и в бега подастся...

Л а р и с а. Что?

Н а д я. Я спрашиваю: где жить собираешься?

Л а р и с а. Первое время на съемной квартире, а там видно будет.

Т а м а р а *(Лёне)*. А ты чего встал, уши развесил? Иди отсюда! Давай-давай... И Митю с собой возьми! Поиграй с ним!

Л е н я. Ну мам...

Т а м а р а. Я что сказала!

Л а р и с а. Да пускай стоит.

Т а м а р а. Ага, все ему интересно... Иди, кому говорю!

Л е н я и М и т я уходят.

(Ларисе.) Ты нам лучше скажи, что делать собираешься?

Л а р и с а. Не знаю. Надо квартиру искать.

Н а д я *(ухмыляется)*. Возьми ипотеку.

Л а р и с а. Кто мне ее даст? У меня ни семьи, ни работы. Да и к тому же, ты знаешь, под какой процент ее выдают?

Н а д я. Откуда? Я по банкам не хожу... тебе лучше знать.

Л а р и с а. От десяти. Это по четырнадцать тысяч в месяц. А где я возьму такие деньги?

Н а д я. Не знаю, думай сама. Здесь ты все равно жить не будешь, это ведь не мой угол...

Л а р и с а. Я и не собиралась.

Т а м а р а. Лариса, не слушай ее.

Л а р и с а. Пойду лучше посмотрю, чем там дети занимаются. *(Идет в комнату.)*

Небольшая пауза.

Н а д я. Видишь?

Т а м а р а. Вижу. Вижу, как у твоей дочери жизнь ломается. Вон ей как плохо, а ты...

Н а д я. Плохо? Да я даже пальцем не пошевелину, чтобы ей стало легче...

Л а р и с а в слезах направляется в туалет. Т а м а р а и Н а д я ничего не заметив продолжают.

Т а м а р а. Надя, у тебя есть любящая сестра, угол, в конце концов, а теперь подумай: есть ли это у твоей дочери? к кому она пойдет за помощью, как не к нам?

Н а д я. А я не собираюсь ее жалеть, она меня хоть капельку пожалела за все это время?

Т а м а р а. Говори тише. Она может услышать.

Н а д я. Я не побоюсь ей это в лицо сказать. *(Расхаживает по кухне.)* Я ведь тебе говорила, что она приползет. Вуа-ля, не прошло и трех лет, а она тут как тут.

Т а м а р а. Я не понимаю, почему ты себя ведешь...

Н а д я *(подхватив мысль сестры)*. Как тварь? Как сука?

Т а м а р а. Да! Именно так!

Н а д я. А как еще я должна вести себя? Кто хотел спалить меня в квартире? – ты или она? – Она! Кто вышел замуж и забеременел? – ты или она? – Она!

Т а м а р а. А кто ее на аборт подталкивал?

Н а д я. Да ты не понимаешь что ли! – я ведь знала, что ей Митя будет не нужен.

Т а м а р а. Да откуда ж ты знала?

Н а д я. А то по ней не видно. Ходит ряженая, как проститутка! Вот и думаешь: на кой черт ей сдался этот ребенок?

Т а м а р а. Надя, она все слышит.

Н а д я. Пусть слышит, что я свою дочь ненавижу... что меня трясет от нее! А ты ей потакаешь. И причем постоянно...

Т а м а р а. Господь с тобой!

Н а д я. Что, правда глаза колет?

Т а м а р а. Да какая еще правда?

Н а д я молчит.

Ну! Говори!

Н а д я. Она... Она... Она мне не дочь вовсе.

Т а м а р а. Тьфу! Да чтоб у тебя язык поганный отсох за такие слова!

Н а д я. А что? Моя дочь никогда бы не захотела меня убить.

Т а м а р а. Ты что такое говоришь? Я тебя спрашиваю: ты что такое говоришь? Она ж, небось, все слышала.

Сестры долгое время сидят молча.

Н а д я. Том...

Т а м а р а. Что?

Н а д я. Ты... прости меня...

Т а м а р а. Я-то тебя прощу, а вот ты дочь простишь?

Н а д я. Не знаю. Если я скажу «да», то, значит, обману, и ее и себя, а если скажу «нет», то буду мучиться. Если бы ты только знала, как меня на изнанку выворачивает от этого. Я хочу, очень хочу ее простить, но не могу... меня как будто бы внутри что-то не отпускает. Я просто не знаю как... Я боюсь.

Т а м а р а *(приобняв сестру)*. Помнишь, как наш отец за матерью бегал?

Н а д я. Когда она «рога» ему поставила?

Т а м а р а. Так смешно было... Он с топором за ней бегал, а все равно любил. Вертела она своим хвостом, как могла, а он прощал, потому что любил. Если ты любишь свою дочь, значит, и ты ее сможешь простить! Угол у тебя есть... Что еще тебе нужно?

Н а д я. Дело-то не в квартире.

Т а м а р а. А в чем тогда?

Н а д я. В Ларисе. *(Хочет успокоиться, но не получается.)* Ты же помнишь, когда я на Севере жила, то забеременела от Володи? Мы тогда с ним только познакомилась... Он такой красивый был! высокий, кудрявый...

Т а м а р а. Ну-у...

Н а д я. Не рожала я тогда... вот те и «ну».

Т а м а р а. Как это не рожала?

Н а д я. А вот так. Обманула я вас. Наврала всем... и тебе, и родителям, и себе. Вернее, не так... я наврала, что забеременела... а на самом деле я тогда заболела, очень сильно... врачи сказали, что... я не смогу иметь детей... В общем, простудилась я, а Володя как узнал, сразу же бросил меня... мне тогда снова пришлось обмануть вас, вот я и сказала, что он умер от пневмонии. Господи, как мне было стыдно... *(Помолчав.)* Мне и сейчас стыдно...

Т а м а р а. Погоди, а Лариса тебе кто тогда?

Н а д я. Лариса... Лариса приемная дочь. Я как узнала, что у меня не будет детей, так сначала не поверила. Сходила на прием к врачу... потом к другому, потом к третьему, а они как будто сговорились все! Говорят – бесплодие... что проблемы с яичниками и с маткой. Я никак не могла поверить, что такое может быть... поэтому и не хотела никому говорить.

Т а м а р а. Но почему?

Н а д я. Боялась я. Знаешь, как мне было страшно. Я ведь когда матерью стала, то пособия получала, причем довольно приличные, и все откладывала до нужного срока, только срок этот так и не наступил. Ну сама знаешь – квартира-то сгорела, а там, в большой вазе деньги хранились, я их тогда только-только со счета сняла. Господи, как мне было обидно... *(Пауза.)* Я все время думаю: ну за что? за что мне такие испытания? что я сделала не так в этой жизни? *(Еще одна пауза.)* А вот теперь скажи мне, верующий человек: есть ли бог на этом свете? есть ли справедливость? неужели я заслуживаю это?

Т а м а р а *(очень тихо)*. Сестренка, ты посмотри на мою жизнь. Моя единственная дочь с пяти лет находится в доме инвалидов. Но я разве жалуясь на судьбу? Человеку выпадают те испытания, которые он сможет выдержать и вынести. Пойми, Господь тебя любит.

Н а д я. Любил – не мучил бы... ни меня, ни кого.

Т а м а р а. А ты любишь Ларису?

Н а д я. Сама знаешь ответ. Зачем спрашивать?

Т а м а р а *(с печалью в голосе)*. Тогда ответь сама себе: зачем ты испытываешь дочь? она это заслужила? Если «да» – тогда ты заслужила такую жизнь и такие испытания.

Молчание. Сестры сидят, не обращая внимания на шум воды, звук которой доносится из туалета.

Вспомнила. Она ж приходила ко мне, когда ты в больнице после пожара лежала, и все расспрашивала: «Правда ли, – говорит, – что у матери деньги сгорели?» – а я ей в ответ: «Да Господь с тобой! Какие же деньги?» – Боже мой, я и знать не знала!

Н а д я. Вот-вот... Когда Лариса узнала, что деньги сгорели, она ж сначала не поверила, думала, что я их украла. А кто ее содержал? Кто ее одевал, кормил?

Т а м а р а. Поверить не могу.

Н а д я. А ты еще говоришь о прощении. Ты бы по чаще слушала младшую сестру.

Т а м а р а. Нет. Я верить не могу твоей глупости. Ты ее не прощаешь, потому что она хотела тебя убить... Но зачем ей это?

Н а д я. А ты не понимаешь?

Т а м а р а в ожидании ответа, разводит руки.

Деньги ей были нужны да квартира моя.

Т а м а р а. Все равно не понимаю... Родная дочь, родную мать.

Пауза.

Н а д я. Она ведь в больницу ко мне приходила, а я ее тогда взяла и прокляла.
Т а м а р а. Боже мой! Боже мой! Зачем? Почему... почему ты мне ничего не рассказывала?
Н а д я. Боялась.

Небольшое молчание.

А вот теперь скажи: кто кого должен любить и кто кого должен прощать?
Т а м а р а. Лариса тебя любит. А вот ты любишь ее?
Н а д я *(тяжело вздохнув)*. Люблю. *(Помолчав.)* Это значит, что я ее прощаю?

Т а м а р а неуверенно соглашается.

(Обнимает и целует сестру.) Надо с ней поговорить. *(Идет в комнату.)*
Т а м а р а *(внуку)*. А где Лариса?
Л е н я. В туалете.

Сестры подходят к туалету.

Т а м а р а. Странно... вода журчит...
Н а д я. Лариса, ты моешься? *(Стучит в дверь.)* Молчит... Хм... она ведь всегда под душем моется... *(Снова стучит.)* Ла-ри-са!
Т а м а р а. Не слышит.
Н а д я. Лариса, с тобой все хорошо? *(Дергает дверь.)*
Т а м а р а. А если, она все слышала?

Тишина.

Н а д я *(в панике)*. Господи, доча! Лариса! Ты меня слышишь?!

Пытаются открыть дверь. Появляются Л е н я и М и т я.

Л е н я. Мама...
Н а д я. Тома, уведи детей!
Л е н я. Мама, а что с Ларисой?

Т а м а р а уводит Л е н ю и М и т ю в комнату.

Н а д я. Лариса, открой дверь! Ты слышишь меня? Лариса!

Тишина.

Л а р и с а. Вы чего?
Н а д я. Лариса! Доча! Солнышко! Мы так испугались... мы так испугались за тебя... Почему ты не отвечала?
Л а р и с а. Я не могла говорить.

Появляется Т а м а р а.

Н а д я. Господи, доча! *(Обнимает Ларису.)* Ты прости меня.
Л а р и с а. За что? Ты чего? Мама, все же хорошо!

Н а д я и Т а м а р а обнимают Л а р и с у.

Н а д я. Что-то я так распереживалась... Ой, дура...

Появляется М и т я.

Л а р и с а (*обнимает и целует его*). Не скучай, сына, я скоро вернусь... Слышишь?

М и т я молча кивает головой.

Слушайся бабушек. (*Еще раз обнимает сына.*)

Н а д я. Уходишь?

Л а р и с а (*неуверенно*). Да. Мне пора.

Т а м а р а. Даже не перекусишь?

Л а р и с а. В другой раз.

Пауза.

Мне, правда, нужно идти.

Н а д я снова обнимает дочь.

Н а д я. Береги себя.

Л а р и с а, окинув всех своим взглядом, все же находит силы, чтобы уйти. Мать идет следом. После небольшой паузы она закрывает за Л а р и с о й дверь. Затемнение.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Дети сидят на диване. Н а д я смотрит телевизор: «...на смену дождям, грозам и ветрам придет зима. В отдельных районах Сибири выпадет снег. В преддверии последнего воскресенья ноября в Сибирских регионах погода будет снежная. В Омске и Ханты-Мансийске минус 5-7, в Новосибирске и Томске минус 8, а в Кемерове столбики термометров опустятся на 10-15 градусов ниже нуля...»

Н а д я (*выключив телевизор*). Середина ноября, а у нас дожди идут.

Входная дверь открывается, входит Т а м а р а.

(*Смеется.*) Промокла?

Т а м а р а. Мало того что дождь, так еще и град пошел. Кое-как до дома добежала.

Н а д я. А я тебе говорила: «Возьми зонтик», – а ты что? – «Возьму! Возьму!»

Т а м а р а. Ну забыла я... и что с того?

Н а д я. Да смешно просто. Он как висел, так и весит на вешалке.

Т а м а р а. Да что ты прикапалась с этим зонтиком? Он все равно не помог бы мне. Вон, какой ветрина сегодня днем был, он сломал бы твой зонтик в два счета!

Н а д я. Да-а, ветрина ужасный был. Я думала, он все деревья сломает.

Т а м а р а (*подойдя к окну*). Когда ж это кончится?

Молчание.

Н а д я. А ты где целый день была?

Т а м а р а. К дочери ездила.

Н а д я. Зачем?

Т а м а р а. Не могу я так, – понимаешь? – не могу, – что я, не мать ей что ли? (*Пауза.*) Домой просится. Говорит, что не может больше есть поганые помои по пять раз в день, которые вообще есть нельзя... надоело ей тумбочку постоянно на замок закрывать – боится, что скоммуниздят что-нибудь... а еще ее бесит, что она купить себе ничего не может – денег не дают, говорят: «Ты у нас недееспособная»...

Н а д я. Они там совсем рехнулись что ли!

Т а м а р а. Да это просто жуть какая-то! Особенно, когда ты знаешь... что твою дочь пичкают непонятными таблетками. Ты бы видела ее сегодня: сидела вся затуманенная... на губах какая-то пена... *(Небольшая пауза.)* Я ведь ее даже забрать не могу – не разрешают... ну а если разрешат – кто с ней возиться будет? а если она в бега подастся, что тогда? Да и к тому же я за Леню переживаю... кто знает, что у нее на уме.

Н а д я. Я бы на твоём месте подумала хорошенько.

Т а м а р а *(неожиданно)*. Лариса так и не приходила?

Н а д я *(в недоумении смотрит на сестру)*. Издеваешься?

Т а м а р а. Ничуть.

Н а д я. Полмесяца назад.

Т а м а р а. Полмесяца прошло.

Н а д я. Да, полмесяца. Это целых две недели.

Т а м а р а. И заметь, ты ни разу не поинтересовалась, где она.

Н а д я. А то что она Митю ни разу не навестила, тебя не волнует?

Т а м а р а. Ты извини, конечно, но теперь это твоя обязанность!

Н а д я. Какая еще обязанность?

Т а м а р а. Обязанность перед Господом Богом.

Н а д я. Я тебе уже говорила, что не верю ни в бога, ни в черта.

Т а м а р а. Да-да-да... «но какая-то неведомая сила управляет нами!» Пойми, наконец: ты ведь теперь несешь ответственность.

Н а д я. Здорово! Как вы ловко за меня всё решили! Я прям не могу!

Т а м а р а. Кто?

Н а д я. Да вы с Ларисой. Тебе, может, напомнить, кто взвалил на меня этот груз ответственности, а?

Т а м а р а молчит.

Чего ты молчишь? Сказать?

Т а м а р а продолжает молчать.

Да вы и взвалили. Но ты, сестренка моя, одно упустила: Лариса никогда не вернется за своим сыном. Уж поверь мне. Но что самое интересное – это ты согласилась оставить Митю, а не я. Так что он у тебя в гостях, а не у меня. А значит – это ты несешь ответственность, а не я. Ну-у... что скажешь? так и будешь молчать?

Т а м а р а. А знаешь... ты можешь в любой момент отказаться нести ответственность.

Н а д я. Вот спасибо! Что же ты свою инициативу не выдвигаешь тогда? Или ты можешь только ответственностью разбрасываться, да перекидывать ее со своих плеч на другие?

Т а м а р а. А я уже несу ответственность.

Н а д я. Да-а! И перед кем же? Перед господом богом?

Т а м а р а. Да. Потому что Он когда-нибудь спросит меня: «Хорошо ли ты относилась к Лёне?»

Н а д я. И что же ты ему скажешь?

Т а м а р а. А я скажу Ему, что всеми силами пыталась сделать из Лени человека.

На кухню входит Л е н я.

Л е н я. Мама, а Митя мне все ноты изрисовал.

Н а д я. Ой, а ты как будто расстроился!

Л е н я. А еще он мою шоколадку съел.

Т а м а р а. Тебе сколько лет? Чего ябедничаешь?

Н а д я *(Лёне)*. Ох, злыдень... Паук. Опять интриги вьешь? Митя не ест сладкое.

Л е н я *(не сразу)*. Ест. Мама, это правда!

Т а м а р а. Ребенок, а сладкое не ест.

Н а д я. А что в этом такого? Лариса тоже в детстве сладкое не ела.

Т а м а р а *(Лёне)*. Иди в комнату.

Л е н я уходит.

Да. Не доглядела. Если бы я тогда не пила, то все было бы по-другому... и Люда бы под машину не попала. Что я сейчас могу сделать? – может, ты мне ответишь. *(Ждет.)* Молчишь. Ты только в чужой жизни любишь капаться, на свою тебе похер.

Н а д я. Чего-чего?

Т а м а р а. Только не надо... не надо... Своя жизнь не удалась – другую испорчу? – так что ли? Я значит, из кожи вон лезу, чтобы хоть как-то померить вас, а ты меня по роже бьешь. Хорошо. Хорошо. Вот, чему нас жизнь учит. Я почему молится начала? Да потому что я дочь свою люблю, а уж внука, тем более. Знаешь, как мне приятно, когда он меня «мамой» называет. Только б воспитать его человеком, а об остальном я уже и не прошу.

Н а д я. Том...

Т а м а р а. Господи, ей было всего пять лет... Всего пять лет... Кого мне винить? Кого?

Н а д я. Тише...

Т а м а р а. Вот, теперь ты мне говоришь «тише».

Молчание.

Н а д я. Том... давай до Ларисы сходим?

Т а м а р а ухмыляясь соглашается. Сестры идут в коридор одеваться.

Ленька, ты за главного. Понял?

Л е н я. А вы надолго?

Т а м а р а. Надолго. Жди.

Сестры уходят. Дети остаются одни. Л е н я, достав из чехла смычок, долгое время сидит на диване, пытается сломать его. Неожиданно раздается треск. Л е н я довольный убирает его обратно в чехол. Затемнение.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Вечер следующего дня.

Н а д я. Она слышала.

Т а м а р а. Ну с чего ты это взяла?

Н а д я. Тогда почему она не приходит, не звонит? Не удивлюсь, если она вообще не разводится. Сбагрила сыночка и все. Живите, как хотите.

Т а м а р а. Позвони ей.

Н а д я. Чтобы услышать: телефон абонента временно недоступен? Я вчера все поняла.

Т а м а р а. Ты с ней даже не виделась.

Н а д я. Мне хватило пьянящей рожи зятя!

Т а м а р а. Позвони. *(Протягивает телефон.)*

Н а д я. Нет.

Т а м а р а. Звони.

Н а д я неуверенно берет телефон.

Ты даже номер ее помнишь.

Н а д я *(немного подождав, сбрасывает вызов)*. Не берет.

Т а м а р а. Значит перезвонит.

Н а д я. Она не перезвонит. Она не перезвонит.

Сестры некоторое время сидят молча.

Т а м а р а *(посмотрев на часы)*. Леня, а ты почему на скрипке не играешь?

Л е н я *(не сразу)*. Митя смычок сломал.

Н а д я. Это как же он его сломал? Покажи.

Л е н я *(достает из чехла смычок)*. Он сел на него... и все...

Н а д я *(сестре)*. Я ж тебе говорила, что он не хочет играть на скрипке, а ты его заставляешь.

Л е н я. Это не правда! Мама...

Н а д я. Замолчи, злыдень!

Т а м а р а. Надя! Сколько это будет продолжаться? Ты думаешь, я не вижу, не слышу, как ты с ним разговариваешь? «Леня то, Леня се», – Леня ребенок!

Н а д я. Жеребенок! Митя тоже ребенок, если ты не заметила.

Т а м а р а. Хорошо, тогда почему ты за ним не присматриваешь?

Н а д я. Я нянькой не подрабатываю.

Т а м а р а. Ты бабушка, так же, как и я Лёне. *(Небольшая пауза.)* Что бы завтра же купила ему новый смычок.

Н а д я. Во, видела! *(Показывает шии.)*

Т а м а р а. Я смотрю, ты хорошо устроилась... Мне б так жить! И квартирка есть, и еда есть, но только делать ты ничего не делаешь. Может мне тоже сесть и недовольство свое высказывать? Я устала делать Мите замечания.

Н а д я. А я устала скрипку поганую слушать! И день и ночь... и день и ночь... Сколько можно пиликать! Скоро кровь из ушей польется. Это даже музыкой назвать нельзя. *(Сквозь зубы.)* Когда-нибудь я выкину эту скрипку в окно!

Т а м а р а. Только попробуй. Сама вылетишь отсюда, как пробка.

Н а д я взяв скрипку, быстро подходит к окну, открывает его.

Ну давай. Чего ты остановилась?

Н а д я, без доли сомнения, выкидывает скрипку. За окном раздается звук лопнутой струны.

(Сразу же.) Митя, пойдем со мной.

Н а д я. Куда ты его повела? Тома, подожди! Тамара, стой!

Т а м а р а. Леня, открой дверь.

Л е н я открывает нараспашку входную дверь. Т а м а р а, выставив М и т ю на лестничную площадку, смотрит на сестру. Н а д я со словами: «Ты в своем уме?» – выходит за внуком. Дверь закрывается. Затемнение.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Вечер. За окнами темно. Л е н я спит в комнате. Сестры разрозненно сидят на кухне. Обе молчат.

Т а м а р а *(подойдя к отрывному календарю)*. Какое сегодня число?

Н а д я. Двадцать пятое.

Т а м а р а. А месяц?

Н а д я *(с удивлением смотрит на Тамару)*. Ноябрь был.

Т а м а р а отрывает не нужные листы. За окнами слышится дождь.

Т а м а р а *(подойдя к окну)*. Опять дождь пошел.

Н а д я. Передавали, что к концу ноября снег выпадет. И где он?

Т а м а р а. Вчера по новостям передавали, что в одной деревушке дочь свою мать убила.

Н а д я с недовольным лицом смотрит на Т а м а р у.

Сказать за что?

Н а д я. За что?

Т а м а р а. А не за что. Пришла пьяная... ночью... да прищучила ее...

Н а д я. Хорошая история перед сном. Но только твои заподлянки на меня не действуют.

Пауза.

И кстати, телевизор на тебя плохо влияет. Я давно это заметила. Ты от него умнее не становишься.

Т а м а р а. Сначала в своих мозгах порядок наведи, а потом уж в мои лезь.

Еще одна пауза.

Интересно, что ты скажешь Ларисе, когда она придет...

Н а д я. Она не придет.

Т а м а р а. Как ты уверенно говоришь.

Н а д я. Потому что знаю – она не придет. Месяц не было, а тут заявится. Глупости.

Т а м а р а. Посмотрим.

Н а д я молча идет в коридор. Начинает одеваться.

Куда-то собираешься?

Н а д я. Да, пойду, прогуляюсь.

Т а м а р а. С ума сошла?

Н а д я. Что такое?

Т а м а р а. Ты в окно-то хоть посмотри.

Н а д я. Лариса что ли идет?

Т а м а р а. Да ты видела, какой ветер опять поднялся?

Н а д я. Не унесет.

Т а м а р а. А дождь?

Н а д я. Зонтик возьму. Кстати... где он?

Т а м а р а. Он тебе не поможет.

Н а д я. Почему это?

Т а м а р а. Ты к окну-то хоть подойди.

Н а д я подходит к окну.

Видишь?

Н а д я. Что?

Т а м а р а. Ветер. Дождь. Еще и град пошел.

Н а д я. Не сахарная. И ветер меня не унесет. *(Направляется к двери.)* Где зонтик? Ты не видела его?

Т а м а р а. Нет. Не видела.

Н а д я *(указывает на вешалку)*. Здесь же висел... Ай, ладно! так пойду!

Т а м а р а. Надя, ты в своем уме? Ну куда ты пойдешь на ночь глядя?

Н а д я. Воздухом подышать. Могу я хотя бы на крылечке постоять? Или ты боишься, что меня ветер унесет? Или, может быть, маньяк изнасилует?

Т а м а р а. Так ты ж старая.

Н а д я. Вот именно. *(Открывает дверь.)*

Т а м а р а. Надь...

Н а д я. Что?

Т а м а р а. Дверь, если что, открыта.

Н а д я уходит. Т а м а р а в это время подходит к окну. Смотрит.

Не видать.

Дверь открывается, входит Н а д я.

Передумала?

Н а д я (*не сразу*). Передумала.

Н а д я, сняв верхнюю одежду, проходит в комнату. Т а м а р а, немного посидев в одиночестве, идет следом. Затемнение.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Сестры сидят в комнате. Они не обращают внимания друг на друга. Л е н я в этот момент играет на скрипке.

Н а д я (*не выдержав*). Все! Надоело! (*Лёне*.) Прекращай играть, уже голова болит!

Т а м а р а. Не кричи, ты не в своей квартире находишься! (*Внуку*.) Играй! Чего остановился?

Раздается стук. Т а м а р а открывает дверь.

Л а р и с а (*улыбаясь*). Как вы тут без меня? Чем занимаетесь?

Т а м а р а. А чем еще нам заниматься?

Н а д я. Лариса...

Л а р и с а. Я за Митей пришла.

Т а м а р а. За Митей?

Л а р и с а. Ну да. Домой поедем.

Т а м а р а. Домой, значит...

Л а р и с а. Да, домой. Чего вы так удивляетесь?

Н а д я. А ты где живешь?

Л а р и с а. На съемной квартире, около миниринка. А что?

Т а м а р а и Н а д я молчат.

Он спит?

Т а м а р а. Кто?

Л а р и с а. Митя.

Т а м а р а. Спит...

Л а р и с а (*начинает ходить по комнате*). Странно, он у меня капризный... Обычно его не уложишь в такое время. Где он?

Т а м а р а кивает головой в сторону сестры, Н а д я молча уходит в туалет.

Не поняла. Мам.

Т а м а р а. Ну чего ты распереживалась-то?

Л а р и с а. А куда мама ушла и где Митя?

Т а м а р а идет на кухню, Л а р и с а следует за ней.

С ним что-то случилось?

Т а м а р а. С кем?

Л а р и с а. С Митей говорю, что-то случилось?

Т а м а р а. А почему с ним должно что-то случиться? С ним все хорошо. Давай лучше чай пить, ты расскажешь, как у тебя дела... Ты есть, кстати, хочешь?

Л а р и с а. Вы издеваетесь?

Т а м а р а. Лариса, с Митей все хорошо. Айда за стол.

Л а р и с а. Зачем?

Т а м а р а. Чай пить да кушать.

Л а р и с а. А Митя поел?

Т а м а р а. Его уже, наверное, покормили.

Л а р и с а. Покормили? Наверное?

Т а м а р а (*замешкавшись*). Это я образно.

Л а р и с а (осматривая квартиру). Кто его покормил? Где он?

Т а м а р а молчит.

Где Митя? Где мой сын?

Т а м а р а. Лариса, успокойся!

Л а р и с а. Та-а-к...

Т а м а р а. Лариса, он...

Л а р и с а. Ну?

Т а м а р а. Он... *(Немного помолчав.)* Он в детдоме.

Л а р и с а. В каком еще нахрен детдоме?

Т а м а р а. В обычном...

Л а р и с а. Вы совсем что ли с ума посходили! Я спрашиваю: где мой сын?

Т а м а р а. Я же говорю: он в детдоме.

Л а р и с а *(после небольшой паузы)*. Если это шутка, то эта плохая шутка.

Т а м а р а. Ей виднее.

Л а р и с а. Кому *ей*?

Т а м а р а. Твоей матери. Это она решила его сдать.

Л а р и с а. К-к-как решила сдать? Вы серьезно?

Т а м а р а молча кивает.

Я ничего не понимаю. *(Пауза.)* Это правда?

Т а м а р а снова кивает.

Она... она меня ненавидит... она всю жизнь меня ненавидела... Но за что? *(Быстро.)* Почему она отдала Митю в детдом?

Т а м а р а *(негромко)*. Я не знаю. Она ушла с ним гулять... и все. Ее целую неделю не было дома, а потом пришла, но без Мити. Я ее спрашивала, а она ни в какую. Все отмалчивалась. А потом все-таки сказала, что сдала его. Знаешь, я ее не узнаю в последнее время, если честно.

Л а р и с а. Что за бред. Зачем ей это делать?

Т а м а р а *(пожимает плечами)*. Кто б знал...

Л а р и с а. О господи! Почему это происходит именно со мной? *(Помолчав.)* А мать-то где? В туалете закрылась... *(Ухмыляется.)* Боится что ль?

Т а м а р а. Позвать?

Л а р и с а. Не надо. *(Собирается уходить.)* Arrivederci.

Появляется Н а д я.

Н а д я. Лариса...

Л а р и с а *(после небольшой паузы)*. Это тебе. *(Протягивает матери праздничный пакет.)*

Н а д я. Что это?

Л а р и с а. Подарок.

Н а д я. Какой еще подарок?

Л а р и с а. Обычный. Хотела вот... с праздником тебя поздравить...

Н а д я. С каким?

Л а р и с а. Да с этим... Как его там? А-а, с Днем матери, вспомнила.

Н а д я. Так он ведь в воскресенье был.

Л а р и с а. А щас понедельник что ли? Последнее воскресенье ноября Днем матери считается. Так что с праздником, мама! Ура-а! *(У двери.)* Поздравляю! От всей души тебя поздравляю!

Н а д я. Лариса, прости, но у меня не было выбора. Я должна была так поступить.

Л а р и с а. Простить? Выбора? Так поступить? Мама, ты с ума сошла! Я в чем-то провинилась перед тобой? Я что-то сделала не так? Ах, да! простите! Я же спалила твою квартиру! *(Лихорадочно.)* Зачем ты отдала Митю в детский дом?

Н а д я. Лариса, я отдала Митеньку ради его же блага...

Л а р и с а (*четко выговаривая каждое слово*). Я спрашиваю: зачем ты отдала Митю, моего сына, в детский дом?

Н а д я. Лариса, послушай. Мне очень тяжело говорить. Я отдала Митю, потому что ему здесь было очень плохо...

Л а р и с а. Ты не слышишь меня?

Н а д я. Лариса, над ним издевались, его никто не любил...

Т а м а р а. Надя!

Л а р и с а. В какой детский дом ты его отдала?

Н а д я. Лариса, доча, я хотела его спасти...

Л а р и с а. Господи, что за чушь ты несешь! От кого?

Н а д я. От нас... Мы все постоянно издевались над ним...

Т а м а р а. Ты что такое говоришь-то, а? Лариса, ей плохо.

Н а д я. А что, не так что ли? То Митя Лёнину шоколадку съел... то Митя на обоях рисует... то Митя простыню рвет... – хотя я сама лично видела, как этим твой Ленька занимается.

Т а м а р а. Замолчи! Ох, дура!

Н а д я. А что, я не права? Ты же сама выставила его за дверь!

Т а м а р а. Нет, вы посмотрите на нее! Плетет что попало и все тут!

Н а д я. Это кем надо быть, чтобы раздетого трехлетнего ребенка выставить на улицу! А если бы он заболел?!

Т а м а р а. Его никто не выставлял. Он сам вышел.

Л а р и с а. Хватит! Я не собираюсь это больше выслушивать.

Н а д я (*тяжело дыша*). Лариса, это не правда.

Л а р и с а. Хватит!

Все молчат.

Н а д я. Доча, ты... прости меня, пожалуйста...

Л а р и с а. Простить тебя?

Пауза.

Хм...

Еще одна пауза.

Никогда.

Л а р и с а уходит. Н а д я очень медленно подходит к окну. Смотрит в него.

Н а д я (*помолчав*). Ну вот и снег пошел.

Постояв немного у окна, Н а д я направляется к столу, на котором лежит праздничный пакет. Оттуда она вынимает альбом с фотографиями. Затемнение.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Декабрь. Н а д я и Л е н я сидят в комнате.

Л е н я (*издает звук на новой скрипке*). Это какая нота?

Н а д я. Ну пусть будет ву-у.

Л е н я. Такой ноты не бывает. Ты придумала ее. Эта нота... (*Медленно произносит, чтобы не ошибиться.*) Си бекар. Ой, диз. А вот эта? (*Издает еще один звук.*)

Н а д я. Не знаю.

Л е н я. Это – ля бемоль. *(Неожиданно.)* А ты знала, что был такой композитор... глухой.

Н а д я. Нет. А как его звали?

Л е н я. Бредходен.

Н а д я *(смеется)*. Как-как-как?

Л е н я. Бредходен. Правда. Нам про него в школе рассказывали. Он играл, играл и оглох.

Н а д я. Может, его звали Бетховен?

Л е н я. Я так и сказал.

Небольшая пауза.

Н а д я. Нравится новая скрипка?

Л е н я молча соглашается.

Играй. Только люби свое дело, да не бросай его. Оно потом тебя вознаградит за преданность. Ты с нас пример не бери, мы того не заслуживаем. Учись. Жизнь сама тебя правильным путем поведет, если ты этого захочешь. Бабушку только не расстраивай.

Л е н я. А почему вы с ней ругаетесь?

Н а д я. Потому что... *(Помолчав.)* Дуры!

Дверь открывается. Входит Т а м а р а.

Т а м а р а *(Наде)*. Я тебе, по-моему, ясно сказала: не подходить к Лёне.

Н а д я *(делает покорный вид)*. Я слушала, как Леня на скрипке играет.

Т а м а р а. Еще раз увижу – с бомжами будешь лавочку делить. Ясно тебе?

Н а д я, ухмыляясь, соглашается.

(Внуку.) Ты уроки сделал?

Л е н я. Да.

Т а м а р а. Ну-ка дай, я проверю.

Т а м а р а подходит к внуку. Затемнение.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Конец декабря. Вечер. Т а м а р а, Л е н я и Н а д я сидят в комнате. Раздается стук в дверь.

Т а м а р а *(Наде)*. Открой.

Н а д я ни слова не говоря, идет открывать. Появляется пьяная Л а р и с а с бутылкой в руке.

Л а р и с а *(медленно проходит)*. Ну что, довольны?

Н а д я. Чем?

Л а р и с а. Как чем? – мой сын уехал.

Н а д я. Куда?

Л а р и с а. В Испанию.

Т а м а р а. Куда Митя уехал?

Л а р и с а. В Испанию. Его какая-то семья усыновила.

Т а м а р а и Н а д я смотрят на Л а р и с у.

Смогу ли я с ним увидеться? Нет. *(Начинает смеяться.)* Вы знаете, я всегда хотела быть свободной, как думаете: у меня это получилось? – я ведь избавилась от сына.

Л а р и с а идет на кухню, сестры следуют за ней, Л е н я остается в комнате.

Т а м а р а. Вполне.

Л а р и с а. А я думаю, нет.

Н а д я. Что ты можешь знать о свободе?

Л а р и с а. Совершенно верно! Ни-че-го... Я раньше думала, что свободу нужно добиваться...

Н а д я. Так оно и есть!

Л а р и с а. Нет. Сейчас я понимаю, что свободы не существует.

Т а м а р а. Как это не существует?

Л а р и с а. А вот так! Максим никогда не станет свободным, я никогда не стану свободной, Митя никогда не станет свободным, *мы* никогда не станем свободными, потому что свободы не су-ще-ству-ет!

Т а м а р а. По-твоему, свобода заключается в человеке?

Л а р и с а. Это исключено! По мне свободы, как таковой, нет – ее никогда не было и не будет. (*Матери.*) Ты ведь за всех все решаешь!

Н а д я. И что?

Л а р и с а. А ничего! Здесь нет смысла, потому что... Свобода – это когда ты можешь сказать самые отвратительные слова человеку, зная, к примеру, что он убьет тебя! Свобода – это когда я могу не разводиться с мужем! Свобода – это когда я могу развестись с мужем! Свобода – это когда я могу в любой момент уехать в Испанию, чтобы забрать своего сына, или же не уехать! Свобода – это когда ты не хочешь есть, а если и хочешь, то можешь позволить купить себе все что угодно! Свобода – это когда ты знаешь, что наступит после смерти! Свобода – это когда тебя кто-то любит! Свобода – это когда я могу плюнуть президенту в лицо! Свобода – это когда я могу избить собственную мать! Свобода – это когда я могу поджечь квартиру! Свобода – это когда за убийство не посадят! Свобода – это когда ты ни от кого не зависишь. Свобода – это когда ты сидишь в толчке и не слышишь, что о тебе говорят люди; или же наоборот – слышишь. Свобода – это когда меня простили! Свобода – это когда я могу прощать или не прощать людей! Свобода – это когда я знаю ПРАВДУ, какой бы она ни была, но все равно ПРАВДУ! Свобода – это прочее и так далее и тому подобное...

Т а м а р а. Что за хрень?

Л а р и с а. Это не хрень!

Т а м а р а. А что это по-твоему?

Н а д я. А это Томочка, ее пьяный бред. (*Неожиданно Ларисе.*) Ты сюда права пришла качать, марамойка? Свободы ей захотелось! Да все, что ты перечислила, не имеет никакого отношения к свободе! Убирайся отсюда!

Л а р и с а. А мне наплевать! Я хочу знать ПРАВДУ! И пока я ее не узнаю, я отсюда никуда не уйду!

Н а д я. Мне что, ментов вызывать?

Л а р и с а. Делай что хочешь, ты – свободная!

Т а м а р а. Лариса, Лариса, ну хорошо... что ты предлагаешь сделать?

Л а р и с а (*смеется*). Что я предлагаю сделать...

Пауза. Л а р и с а молча выливает жидкость из бутылки.

Н а д я. Что ты делаешь, Лариса? Это... Что это? Это бензин? (*Направляется к Ларисе.*)

Л а р и с а (*достает зажигалку*). Я ведь тебя уже поджигала. Да, мамочка?

Т а м а р а. Лариса, ты с ума сошла! Что ты делаешь?

Л а р и с а. Жду.

Н а д я. Лариса, чего ты ждешь?

Л а р и с а. Ответа. Я хочу знать: почему ты меня ненавидишь?

Н а д я. Лариса, доча...

Л а р и с а. У меня нет родственников, а если и есть, то они далеко отсюда!

Н а д я. Что?

Л а р и с а. Что слышала!

Н а д я. Лариса, ты... ты не понимаешь! Да с чего ты взяла? Успокойся...
Л а р и с а. Я спокойна!
Н а д я. Лариса, послушай меня...
Л а р и с а. Я слушаю!

Тишина.

Ну? Не молчи!
Н а д я. Хорошо, хорошо. Я скажу... только убери зажигалку.
Л а р и с а. Говори!

Н а д я молчит.

Говори же! Ну!
Т а м а р а. Надя, скажи ей! Почему ты молчишь?!
Н а д я. Я... я не знаю...

Л а р и с а не выдерживает и одним резким взмахом устраивает поджог.

Т а м а р а. Лариса... Лариса... Господи, горим!!!

Н а д я бросается на Л а р и с у, но та бьет ее по голове.

(Подхватив сестру). Надя! Надя! Я здесь. Сядь. Лицо закрой. Ты слышишь меня? Скорее!

Л а р и с а выливает из бутылки оставшуюся жидкость.

Н а д я. Тома, я ничего не вижу.

Т а м а р а и Н а д я пытаются пробраться через огонь, но Л а р и с а с силой отталкивает их назад.

Все! я больше не могу! Я задыхаюсь!
Т а м а р а. Надя! аккуратней... пригнись...

Неожиданно раздается детский крик. Из комнаты выбегает Л е н я.

Л е н я *(в панике)*. Мама! Бабушка! Вы где?
Н а д я. Леня! Леня! Беги! Ты слышишь? Беги!
Л е н я *(плачет)*. Я боюсь! Мама!!!
Т а м а р а. Тебе что сказали!
Л а р и с а *(пробирается к Лене)*. Леня... Леня...
Н а д я. Леня, не слушай ее... беги! позови кого-нибудь... Пусть эту сучку поймают!
Л е н я. Нет! Я хочу, чтобы Лариса знала правду! Она ни в чем не виновата. Это... Это все я.
Это из-за меня Митя уехал. Это я сломал смычок. Лариса, отпусти их.

Пламя за это время разгорелось, оно стало еще больше. Все начинают задыхаться. Слышатся вопли сестер.

(Плачет.) Лариса, я ведь еще увижу маму?
Л а р и с а. Вот тебе и последнее воскресенье ноября...

Л а р и с а снимает с себя куртку. Она быстро и решительно начинает бить ее по огню.

Л а р и с а. Мама! Тетя Тома!

Тишина.

Кто-нибудь отзовитесь!

Так же быстро и решительно Л а р и с а направляется в туалет. Слышится звук воды. Через некоторое время она возвращается с ведром. Л а р и с а выливает воду. Но ее оказывается мало.

Леня, набери воды! Скорее!

Л е н я убегает в туалет. Вновь доносится звук воды. Л а р и с а подбирает куртку, начинает бить ею по огню. Появляется Л е н я. Л а р и с а выливает воду.

Я не хотела... Мама... Я не хотела...

Л а р и с а продолжает тушить пожар. Затемнение.

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Вторая половина февраля. Вечер. Все та же квартира. Л а р и с а укладывает Л е н ю спать.

Л а р и с а. А мне вчера мама твоя звонила. Сказала, что очень скучает. Хотел бы ее увидеть?

Л е н я молча кивает головой.

Леня, а почему ты свою бабушку мамой называешь?

Л е н я. Не знаю. Моя родная мама живет в больнице.

Л а р и с а. А ты ее давно видел?

Л е н я. Давно. Лет десять назад.

Л а р и с а *(смеется)*. Так тебе всего семь. *(Гладит Леню по голове.)* Маленький такой.

Л е н я. Лариса, а где Митя?

Л а р и с а *(не сразу)*. В Испании.

Л е н я. А это далеко от сюда?

Л а р и с а. Далеко, мой маленький, далеко.

Л е н я. Испания – это остров где живут пираты?

Л а р и с а *(смеется)*. Нет. Испания – это такая страна, в которой тепло и зимой, и летом. Там апельсины растут круглый год.

Л е н я. Как в Африке?

Л а р и с а. Нет, в Африке не растут апельсины.

Л е н я. А в Испании живут слоны или тигры?

Л а р и с а. Живут. Но только в зоопарке.

Л е н я. А я был в зоопарке.

Л а р и с а. Я знаю. Ложись спать.

Л е н я ложится в кровать. Л а р и с а выключает в комнате свет.

Л е н я. Лариса, а почему ты не поехала в Испанию? Ты же хотела.

Л а р и с а *(после небольшой паузы)*. У меня... *(Подумав.)* Денег нет.

Л е н я. А ты возьмешь меня с собой, когда у тебя деньги будут?

Л а р и с а. Возьму. Спи.

Л е н я. А ты знаешь, где твой Митя живет?

Л а р и с а. Знаю. Есть такой город Бенавенте.

Л е н я. А он большой?

Л а р и с а. Нет, говорят маленький. *(Целует его в макушку.)* Спи. Тебе завтра вставать рано.

Л а р и с а поправляет одеяло, подушку, после чего направляется на кухню.

Л е н я. Лариса.

Л а р и с а. Да, мой хороший.

Л е н я. Расскажи сказку.

Л а р и с а. Только если ты заснешь. Договорились?

Л е н я. Договорились.

Л а р и с а возвращается. Она садится на край кровати. Берет Л е н ю за руку.

Л а р и с а. Тогда слушай. Давным-давно, в некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь, и звали его...

Л е н я *(неожиданно)*. Я не хочу такую сказку, расскажи другую.

Л а р и с а. Ну хорошо. Жил да был один человек. Маленький такой. И вот представь. Идет он как-то раз по городу и видит, стоит старуха. Вся в лохмотьях, сгорбленная, на носу бородавка. Она просила, чтобы у нее купили маленькое при маленькое зернышко. Но люди боялись к ней подходить, потому что она была страшной. «Бабушка, продай мне маленькое зернышко», – сказал ей однажды мальчик, протянув ей серебряную монету. Он не знал, что старуху заколдовал злой волшебник. За то, что она...

Пауза. Л а р и с а вытирает слезы.

Потеряла сына.

Л а р и с а убедившись, что Л е н я спит, идет на кухню. Она медленно подходит к окну, смотрит в него. Пауза. Немного постояв, Л а р и с а открывает ставню. Смотрит вниз. Еще одна пауза.

Л е н я. Почему ты ушла?

Л а р и с а *(замешкавшись)*. Душно стало. Решила проверить. Тебе холодно? *(Резко закрывает ставню.)*

Л е н я. Нет. Я уснуть не могу. Смотри, что у меня есть.

Л е н я протягивает Л а р и с е альбом с фотографиями.

Здесь нет моих фотографий.

Л а р и с а. Потому что это подарок. Ложись спать.

Л е н я уходит. Л а р и с а листает фотоальбом, затем вновь подходит к окну. Пауза. Входная дверь открывается на пороге появляются Т а м а р а и Н а д я. Не снимая с себя верхней одежды, они быстро проходят на кухню.

Н а д я. И как ей это в голову взбрело?

Т а м а р а. Ой, не знаю... не знаю... Господи, что же делать? Господи, спаси и сохрани...

Н а д я. Все обошлось. Все обошлось.

Л а р и с а. Что случилось?

Н а д я *(не сразу)*. Людка ее, чуть в петлю не залезла. Еще секунда...

Т а м а р а. Нам только что позвонили. *(Пауза.)* Это я не доглядела... Это я...

Л а р и с а. Тетя Тома, вы ни в чем не виноваты. Все ж обошлось.

Т а м а р а. А если она опять удумает? Говорят, у самоубийц такое часто бывает...

Л а р и с а *(обнимает тетю Тому)*. Это не правда...

Т а м а р а. Это ж надо, такой грех на себя брать... Господи...

Л а р и с а. Давайте мы ее заберем завтра? Она будет с вами жить...

Т а м а р а. А вы как?

Л а р и с а. А мы с мамой на квартиру переедим. Согласны?

Т а м а р а. Не знаю... не знаю...

Л а р и с а. Соглашайтесь.

Т а м а р а неуверенно трясет головой.

Н а д я. Ты правда хочешь, чтобы я с тобой жила?

Л а р и с а. Да, хочу.

Т а м а р а идет в комнату.

Н а д я *(обнимает дочь)*. Лариса, прости меня. Если бы ты знала, как мне плохо... как я сожалею... Я порой задумываюсь, как было бы хорошо вернуть время назад...

Л а р и с а. Я в последнее время спать перестала. Митя снится. Стою я посередине комнаты, а он на лестничной площадке, басой... Я ему кричу: «Митя! Митя! Иди сюда, простудишься!» А он

посмотрит на меня, постоит и пойдет. *(Плачет.)* Скажи, что мне делать? Это мой сын! Мой! Я его в животе вынашивала! А теперь... где он?

Пауза.

(Успокоившись.) Я сегодня думала: «К черту такую жизнь!» – пока не услышала, что с Людой произошло. Мне так страшно стало. Никогда в жизни я так не боялась, как сейчас. Представляешь, вот так живешь, живешь, а потом раз и нет тебя. Неужели и вправду в ад попадешь?

Н а д я. Прости меня.

Входят Т а м а р а и Л е н я.

Т а м а р а. У меня одна защита – это Леня. Если бы не он, чтобы было... Все зависит только от нас. Все находится в наших руках. Нужно найти в себе силы, чтобы жить дальше. Нам-то уже пятый десяток. А ты молодая, тебе жить надо. Только от нас зависит жизнь... хорошая или плохая... только от нас. Правда, Леня?

Л е н я *(неожиданно)*. Смотрите, что я умею. *(Быстро убегает в комнату.)*

Л а р и с а. Вы так спокойно об этом говорите. Я вас чуть не убила.

Т а м а р а. Если б убила, лежали мы бы сейчас в ящиках... под землей. Но Господь даровал нам другой путь, другую жизнь.

Л а р и с а *(листая альбом с фотографиями)*. Последнее воскресенье ноября... оно ведь могло стать последним... *(На выдохе.)* Если бы не Леня.

Л а р и с а, Н а д я и Т а м а р а сидят в обнимку. В этот момент из комнаты доносится скрипка. Звучит Людвиг ван Бетховен «Сурок» (соч. 52 № 7).

Т а м а р а *(улыбается)*. Время девять часов вечера, а он играет...

Н а д я. Пусть играет. У него хорошо получается.

Музыка продолжает звучать. Свет постепенно гаснет.

К О Н Е Ц.

Осень 2017 – ноябрь 2019